

какимъ его встрѣчали его первые поклонники, но мы уже не совсѣмъ умѣемъ понять его первыхъ противниковъ двадцатыхъ годовъ; между тѣмъ въ томъ, что говорилось послѣдними, былъ не одинъ обскурантизмъ или неспособность понимать изящество его созданій. Намъ не трудно также осудить Бѣлинскаго за „односторонность“ или 60-ые годы за легкомысліе. Историческое явленіе должно быть осмотрѣно въ условіяхъ своего времени и въ своихъ мотивахъ, и тогда оно представится, можетъ быть, не совсѣмъ въ томъ видѣ, какъ покажется на первый взглядъ.

Осудить Бѣлинскаго за односторонность очень легко. Въ самомъ дѣлѣ, его изслѣдованіе Пушкина далеко не полно: въ наше время мы считаемъ необходимымъ прежде всего изложить біографію писателя, нарисовать его общественныя отношенія, среду, въ которой онъ дѣйствовалъ, и затѣмъ уже приступить къ тому, что сдѣлано было имъ новаго въ области поэтическаго творчества, въ кругѣ общественныхъ идей и т. п. Но для Бѣлинскаго многія изъ этихъ предварительныхъ изученій были совершенно закрыты. Смѣшно было бы требовать, чтобы онъ, начиная свой знаменитый рядъ статей о Пушкинѣ не далѣе какъ черезъ шесть лѣтъ по смерти поэта, могъ дать его біографію; чтобы онъ могъ, на подобіе нынѣшнихъ критиковъ, свободно говорить о роли Пушкина въ Александровскую эпоху, объ его тогдашнихъ связяхъ и либеральныхъ затѣяхъ, могъ указывать отношенія Пушкина къ императору Николаю, тогда еще здравствовавшему, развѣно говорить о генералѣ Бенкендорфѣ, тогда также еще здравствовавшемъ (ум. 1844); рассказывать о великосвѣтскихъ врагахъ Пушкина, когда они были на лицо, и т. д. Столь же невозможны были изображенія среды, изложеніе общественныхъ теорій Пушкина, которыхъ Бѣлинскій могъ коснуться лишь въ той степени, насколько онѣ высказались въ его произведеніяхъ. Далѣе, у Бѣлинскаго не было и не могло быть въ распоряженіи того матеріала пушкинскихъ бумагъ, который въ изданіи Анненкова впервые раскрывалъ неясными намеками интимныя мысли Пушкина о русскомъ обществѣ, о русской исторіи, его планы будущихъ поэтическихъ работъ и т. д., — намеками, которыхъ самъ Анненковъ въ свое время не осмѣливался развивать и къ которымъ возвратился потомъ уже только въ 1870-хъ годахъ.

Такимъ образомъ, Бѣлинскій былъ физически лишень возможности затронуть существенныя черты личности и дѣятельности поэта, которыя, безъ сомнѣнія, много освѣтили бы ему и чисто художественныя свойства этой дѣятельности. Съ другой стороны и цѣль критики была иная. Въ началѣ столѣтія наша литература